



Есть непререкаемость запаха, что сильнее слов, облика, чувства и воли. Непререкаемость запаха всесуща, она вливается в нас подобно воздуху в наши легкие, исполняя нас, заполняя нас всецело, и нет от нее спасения.

Патрик Зюскинд, «Парфюмер»



...Смерть, как выяснилось, пахла ландышами. Причем ландышами увядшими, вчерашними, какими-то прелыми.

Ну, как будто на кладбище.

Причем пахло нестерпимо, одуряюще, волнообразно, до немедленной резкой головной боли.

Но об этом она узнала позднее.

Потому что сначала был *несчастный случай*.

...Впрочем, до несчастного случая еще много чего было — тем самым нестерпимо жарким летом. Да и раньше, разухабистой, комарино-жужжащей весной. Нет, в действительности еще намного раньше.

*Со смерти мамы?*

Вероятно, даже еще раньше. Но какая теперь разница. Да, верно, *никакой*.

С чего же началось?

Да, с *чего*, собственно?

Ну, наверное, с того разговора в кабинете отца, который, как планировала Зоя, должен был стать более чем откровенной, поворотной точкой в ее будущей профессиональной жизни и, кто знает, даже во взаимоотношениях с папой-профессором.

Поэтому-то она, уже все давно осознав и поняв, оттягивала и откладывала этот момент, но вот после крайне удачно сданной второй сессии решила-таки завести этот разговор.

*Неизбежный разговор.*

— Папа, мне надо с тобой поговорить, — произнесла Зоя, входя в домашний кабинет своего отца, Игоря Борисовича Синицина, заведующего кафедрой детской хирургии местного медицинского университета.

Отец — седой, с резкими морщинами на лбу и мешками под глазами, — работавший за компьютером не самой новой модели, оторвался от дисплея и поверх очков взглянул на дочь. Зоя чувствовала, как сильно бьется ее сердце, однако прилагала все усилия, чтобы голос звучал как можно более буднично и спокойно.

— Или у тебя нет времени? — продолжила она, втайне надеясь, что отец отошлет ее прочь и у нее не будет необходимости вести этот разговор.

*Неизбежный разговор.*

Однако Игорь Борисович, пристально взирая на нее, ответил:

— Ничего, это может подождать! Что может быть важнее разговора с любимой дочерью. Тем более если она сама об этом просит!

Зое стало ясно: вот, момент наступил, и она наконец сообщит отцу то, что хотела сказать ему все это время, все последние годы.

Что должна была ему сказать, но до сих пор так и не сделала, то ли по причине малодушия, то ли из-за приспособленчества, то ли из страха.

Ну, или, быть может, из *любви* к своему строгому седому родителю.

Ну конечно, она любила отца, как могло быть иначе-то! Ведь после смерти мамы, случившейся, когда она была еще подростком, он, как знала Зоя, отказался от многих карьерных притязаний, чтобы воспитать свою единственную дочь и дать ей «путевку в жизнь».

Никто ведь не сомневался, что Зоя пойдет по стопам своего отца и мамы и также станет врачом. Никто — ни сам отец, ни в свое время мама, ни родственники и знакомые, ни коллеги и приятели.

Никто — кроме самой Зои.

Она видела, как упорно работает отец, а еще раньше — мама. Как они многим жертвуют. Как оба, преподавая в медицинском университете, самозабвенно уходят с головой в науку.

Отец приложил все усилия, чтобы дочка получила свой шанс в жизни. И она его получила. Собственно, вопрос о том, чем Зоя займется после окончания школы, никогда и не стоял-то. Никто ее не спрашивал, к чему лежала ее душа и куда она, собственно, хочет поступать. Потому что с самого начала было понятно: конечно же, она станет врачом и поступит в тот же медицинский вуз, где когда-то учились, а позднее работали и мама, и отец.

Да, это было понятно всем, за исключением самой Зои. Потому что к медицине ее душа не лежала. Нет, не то чтобы она не испытывала интереса, однако просто не хотела. Она бы предпочла иностранные языки или, быть может, журналистику, но когда в свое время крайне осторожно завела об этом разговор с отцом, тот отрезал, заявив, что она, вне всяких сомнений, продолжит их врачебную династию.

*Вне всяких сомнений!*

— Я точно тебя не отвлекаю? — спросила Зоя, все еще надеясь, что этот разговор, который надо было вести еще много лет назад, сегодня не состоится. Потому что она понимала, как будет разочарован отец, когда она сообщит ему...

Что после удачно сданной второй сессии в меде она не намеревается больше продолжать там обучение и собирается забрать документы.

Из того меда, в котором учились и работали мама и отец и где он продолжал работать и преподавать и поныне, после смерти мамы.

Нет, не ее это просто, не ее! Конечно, она могла продолжать учиться в меде и дальше, и проблема была вовсе не в том, что ей это не давалось — самое ужасное, что как раз наоборот: все шло *как нельзя лучше!* И вовсе не потому, что она была дочерью

oднoгo из cамыx уважаeмыx заведующих кафедрoй, пoблажек ей никтo не делал, cкopee даже *наoбoрoт*, a пoтoму, чтo она вeдь все гoды целeнаправлeннo гoтoвилась к мeдицинскoй стeзe.

Тoчнee, ee целeнаправлeннo гoтoвили. Да и дурoй, как ни крути, Зoя все жe не была.

Нет, с учeбoй прoблeм не былo, свoю втoрую сeссию она сдала на «oтличнo», oтeц не сомнeвался, чтo пoслe пoлучeния диплома она пoйдeт в аспирантуру, oстaвшиcь преподавать в мeдe, a пoтoм co врeмeнeм защитит и докторскую.

И навeрнякa выйдeт замуж за Павлика, сына лyчшeгo друга oтца, тaкжe заведующeгo кафедрoй в мeдe!

Ну да, ee жизнь была зaрaнee распланирoвана, расписана и прoдyмана — всеми другими, в тoм числe и ee рoдитeлями, в пeрвyю oчeрeдь oтцoм.

Но тoлькo не *eю* сaмoй.

— Oтвлeкаeшь, — oтвeтил oтeц, кoтoрый вceгдa гoвoрил нaпрямyю и был, нeсмoтpя на свoю внeшнюю флeгмaтичнoсть, чeлoвeкoм co взрывчaтым тeмпeрaмeнтoм, чтo и пoслужилo пpичинoй тoгo, чтo Зoя тaк и не заикнyлась дo сeгo мoмeнтa o тoм, чтo мeдици-на — этo *нe* ee.

— И никтo другoй мeня oтвлeчь пpавa не имeeт, нo вoт лyбимая дoчкa мoжeт, — зaявил Игoрь Бopисoвич, пoблeскивая oчкaми, oтчeгo y Зoи пo кoжe пoбeжали мyрaшки. Ну да, нaдo былo скaзaть ужe дaвнo, хoтя гpянyл бы скaндaл, пpичeм бoльшoй.

Нет, oгpoмный. A вepoятнee вceгo, дaжe всeлeнскoй. Oтeц, нe исклyчeнo, нe рaзгoвapивaл бы с нeй. Ну из дoмa, навeрнoe, нe выгнaл бы, oднaкo всячeски дeмoнстpирoвал бы ей свoe «фи». И уж тoчнo нe пoддepживaл ee нaчинaния и пpилoжил бы все yсилия, чтoбы пepeyбeдить ee и вepнyть в мeд.

И, нe исклyчeнo, она бы рaнo или пoзднo пoддaлась нa eгo yвeщeвания и сoглacилась — кpивя дyшoй и пoнимая, чтo oпять пoдлaживaeтся пoд eгo aвтopитeтнoe мнeниe.

Да, вероятно, даже больше, чем ссоры и последующего долгосрочного разлада с отцом, быть может, длинной в целую жизнь, она опасалась именно этого: что у нее не хватит ни мужества, ни целеустремленности, чтобы бороться за осуществление своей мечты, и она привычно, как и все эти годы, поплывет по течению...

Но бороться за *что*?

Ну да, вместо медицины может быть что-то, связанное с языками, к которым у нее была большая предрасположенность, или журналистика.

Или что-то *совершенно иное!*

В этом-то и беда: спроси ее отец, она, двадцатилетняя серьезная девица из местного «высшего общества», увлеченная, быть может, вовсе и не Достоевским, а Пелевиным, знавшая наизусть драмы Шекспира, поэзию Бродского и прозу Набокова, и сама не могла бы точно сказать, чего она хочет.

Ужас заключался в том, что она без запинки могла выложить, чего она точно *не* хочет: учиться в меде, хотя все идет без сучка без задоринки, становиться врачом, заканчивать местный, пусть и провинциальный, но по российским масштабам один из наиболее престижных лечебных факультетов страны. Не хочет, как мама и отец, оставаться работать на одной из кафедр, защищать сначала кандидатскую, а затем и докторскую, уходить в науку, делать солидную академическую карьеру, поднимаясь все выше и выше по ступенькам вверх и становясь сначала доцентом, а потом и профессором, заведующей кафедрой, деканом...

Не хочет, в конце концов, выходить замуж за Павлика, молодого человека, приятного во всех отношениях, такого перспективного, и к тому же сына лучшего друга отца и его коллеги по научному сообществу, а также внука бывшего ректора меда. За вне всяких сомнений будущего доктора медицинских наук, профессора, наверное, даже академика, как и его отец, и, кто знает, ректора меда или крупного чиновника в областном министерстве здравоохранения, как дед.

А то и в *московском министерстве!*

Нет, ни при каких обстоятельствах и ни за какие коврижки она за Павлика *не* хочет!

И если бы в ситуации с Павликом отец, скрипя зубами и скрепя сердце, еще мог принять ее сторону, ведь любви, в конце концов, не прикажешь, да к тому же имелись еще и другие отпрыски известных врачей, то ее отказ продолжать образование в меде и идти по стопам самого отца и покойной мамы Игорь Борисович принял бы в штыки и никогда бы ей не простил.

И никогда так и означало: никогда. Ни сейчас, ни год спустя, ни десять, ни *сто девяносто семь*.

Ну да, она элементарно боялась, являясь трусихой. Ну и все эти годы подлаживалась под мнение родителей, вернее, под мнение отца, ведь мама, будь она жива, не исключено, встала бы на ее сторону и смогла бы убедить мужа в том, что мнение дочери нужно если не понять, то хотя бы принять.

Да, точно *встала* на ее сторону — и да, *смогла* бы убедить: Зоя в этом не сомневалась.

Но мама ушла в сорок шесть лет — взяла и умерла. Причем произошло это в день рождения отца, одиннадцатого августа. Самой Зое тогда было тринадцать, и она всегда радовалась дню рождения папы, единственному у них в семье выпадавшему на летний период — и она сама, и мама родились зимой.

Они находились на даче в тот день, была масса гостей, конечно же, в первую очередь из медицинской среды, все шло отлично, и день был такой хороший. Они много смеялись, болтали, праздничный обед, приготовленный мамой, был, как всегда, пальчики оближешь. И никакого алкоголя, конечно же, — с этим у них в семье было строго, ведь и отец, и мама были хирургами, правда, она взрослый, а отец детский.

А потом, когда гости уже разошлись, они остались на даче, наслаждаясь завершением того прекрасного летнего дня и долгими сумерками, и отправились на реку, чтобы искупаться.

Там, на небольшом, уже пустынном, пляжике тоже все было замечательно, вода была как парное молоко, и Зоя помнила, с каким наслаждением она ныряла.

Мама вот тоже нырнула, а потом *не* вынырнула. Зоя сначала этого не заметила, как и отец, отвлеченный разговором на пляже с пожилым соседом, конечно же, маститым медиком. И только когда Зоя истошно закричала, увидев всплывшее спиной из изумрудных глубин тело мамы, он понял, что что-то произошло, — и этот крик словно разрезал их жизнь на две неравные части: *до* и *после*.

*До* смерти мамы и *после* нее.

На пляжике было сразу два медика, которые сразу, не дожидаясь вызванной по мобильному «Скорой», принялись за реанимацию мамы, находившейся без сознания.

Но, несмотря на то что оба были профессорами и одними из лучших медиков города, все было тщетно. Бессильны оказались и прибывшие парамедики, да и в городской больнице, куда маму в итоге доставили, тоже не помогли. Несмотря на все прилагаемые усилия, вечером того дня, *дня рождения отца*, констатировали смерть мамы.

Как позднее выяснилось, в тот самый момент, когда она, нырнув, находилась под водой, у нее случился разрыв аневризмы в головном мозге: никто и не ведал, что у мамы была опасная аневризма, себя все эти годы никак не проявлявшая.

А потом она вдруг разорвалась, вызвав крайне обширное субарахноидальное кровоизлияние, приведшее к быстрой смерти.

Маме никто и ничто не могло помочь, разве что ее прямо с пляжика доставили бы на стол к опытному нейрохирургу, да и то почти отсутствовала вероятность того, что она, сумев благодаря его искусству выжить, стала бы прежней мамой. Не исключено, что она оставалась бы в вегетативном состоянии, прикованная к больничным аппаратам.

Наверное, такая смерть — быстрая и немучительная — была лучшим выходом.



Смерть в сорок шесть лет, в день рождения отца.

Эта смерть стала самым сильным аргументом в пользу того, чтобы Зоя также выбрала стезю медика. Ведь если бы она заявила о каком-то ином своем желании, то, получается, она бы *предала* память мамы?

И более того, она бы предала не только маму, которая умерла, но и отца, который продолжал жить, виня себя в том, что не смог помочь жене.

И не желая слушать, что даже самый лучший врач города, страны, мира и Вселенной не мог победить вечную соперницу любой медицины, в итоге всегда, рано или поздно, одерживавшую триумф над любым гениальным врачом, как и над любым человеком.

*Смерть.*

Все эти воспоминания промелькнули в тот самый момент, когда отец строго взирал на дочь, поблескивая очками и поигрывая тонким острым красным карандашом, которым обычно проверял студенческие работы: Зоя знала, что этот взгляд нагонял страх не только на неопытных студентов и молодых аспирантов, но даже на маститых коллег отца.

Да, она боялась, но отступить было уже *слишком* поздно. Она и так отучилась два семестра, потеряв год своей жизни.

Жизни, которая, как Зоя знала после внезапной смерти мамы, может закончиться в любой момент. Да, именно что в любой: ты нырнешь в теплые нефритовые воды местной речки — и уже *не* вынырнешь.

Во всяком случае, *живой*.

— Так о чем ты хочешь поговорить, дочка? — спросил отец, и Зоя, поймав его взгляд, почувствовала, что душа ушла в пятки. Ну да, ведь выстраивала этот разговор в мыслях уже сколько недель, а то и месяцев, и вот оно: стоило отцу сверкнуть очками, как вся уверенность немедленно испарилась.

— Папа, речь идет о моей учебе в меде... — выдавила она наконец из себя, понимая, что напрочь забыла все те убедительные слова, весомые фра-

зы и железобетонные аргументы, которые собирала и оттачивала все это время.

Отец, вдруг мягко улыбнувшись, как умел делать только он, снял отбрасывающие столь пугающие блики очки и, положив их на стол около компьютерной клавиатуры, произнес:

— Ах, ты об этом решила поговорить, дочка! Ну, причин для беспокойства у тебя нет!

Зоя еле сдержала вздох — *да*, об этом, хотя, *нет*, совсем даже о *другом!*

— Папа, дело в том, что моя учеба в меде...

Отец, словно не слушая ее (а ведь и в самом деле не слушал!), продолжал:

— Понимаю, хочешь узнать, как я тебя оцениваю, твои успехи и перспективы, дочка...

Нет, она *не* хотела, *совсем* не хотела! Но понимала, что отца, привыкшего вещать с высокой кафедры, уже не остановить.

— Скажу то, что, вероятно, говорить не должен, дочка, но я тобой доволен! Даже очень доволен! Тебя так везде хвалят!

Зоя, еле заметно скривившись, ответила, понимая, что говорить должна была *совершенно* не это:

— Папа, сам понимаешь, что не могут не хвалить, я же твоя дочка...

*Да не то*, совершенно *не то!*

Отец, подняв вверх указательный палец (это был его фирменный жест), заявил:

— Не надо так думать о моих коллегах! Уж поверь, у меня с ними отношения доверительные и профессиональные. И никто бы не стал тебя хвалить лишь потому, что ты моя дочь!

Что правда, то правда: нет, *не* стали бы. И это означало, что она действительно была далеко не самой плохой студенткой. Вероятно даже, одной из лучших.

Что не отменяло того, что к медицине ее душа не лежала и продолжать свое образование на лечебном факультете она после летних каникул не намеревалась.

Отец же, явно гордый ее успехами, продолжал перечислять:

— И с кафедры детских болезней о тебе только самые лестные отзывы...

Там она подрабатывала лаборанткой — не потому, что это так уж требовалось с финансовой точки зрения, а потому что свою карьеру именно там в свое время начинал и отец.

— Папа, ну ты раньше сам заведовал этой кафедрой, было бы крайне странно, если бы они меня разнесли в пух и прах...

И опять *не то*, что же с ней такое происходит-то?

— Дочка, не надо принижать свои достоинства. Потому что у тебя явный талант, уж поверь моему наметанному глазу. Да, есть и такие, которые заставляют себя из-под палки идти в медицину, потому что родители у них тоже медики. Ну, или их заставляют. Но ты явно не из их числа.

Вот именно что из *их!*

Неужели отец этого не понимал и не видел — или *не хотел* понимать и видеть? Но ведь хуже всего, что, похоже, все окружающие тоже не хотели понимать и видеть.

А что если она и в самом деле *может* стать отличным врачом и спасать здоровье и жизни людей, хотя понимает, что это не то, на что она намерена тратить свою жизнь.

Что *тогда?* Имела ли она моральное право уйти из медицины, игнорируя свое призвание? Призвание, которого у нее не было.

Ну хорошо, игнорируя ответственность?

Но всех в итоге все равно *не спасти*. Маму никто не спас, потому что смерть всегда одерживает верх.

Это не значило, что Зоя может просто отойти в сторону и заявить, что это ее не касается.

Или все же *могла?*

Решение, которое еще несколько мгновений назад было для нее кристально ясным, вдруг снова затуманилось. Нет, не могла, наверное.

Но получается, что она будет делать в жизни то, что хочет отец, а не она сама. Разве это *хорошо*?

А кто, собственно, сказал, что это *плохо*...

Зоя продолжала лихорадочно размышлять, в то время как отец расхваливал ее успехи.

— А анатомию как ты сдала! Вероника Михайловна уж до чего строгий преподаватель, но от тебя в полном восторге. А мы с ней, как ты сама знаешь, на ножах. Хотела бы завалить, она бы тебя завалила, конечно, однако она ведь настоящий ученый и сразу видит талант. Она сама мне сказала, что дочку я вырастил замечательную. И это после того, как мы с ней несколько лет не разговаривали, только в коридоре еле кивали друг другу.

Вероника Михайловна была самой жуткой стервой во всем меде, и экзамен по анатомии Зоя вспоминала как один непрекращающийся кошмар — профессорша так и сыпала каверзными вопросами, причем на ее лице, как обычно, играла ехидная улыбка.

Зоя была уверена, что ни за что не получит высший балл, потому что Вероника Михайловна полагала, будто на «пятерку» знает анатомию только она сама, на «четверку» — крайне узкий круг приближенных к ее дебелимому телу лизоблюдских гениев, и максимум на «тройку» — все остальные.

И, надо же, Зоя единственная с потока получила таки заветный высший балл — и это у самой Вероники, которая была заклятым врагом ее отца и не могла простить ему то ли того, что он не взял ее много лет назад в жены, предпочтя маму, то ли того, что он получил место заведующего кафедрой, когда таковой должна была стать сама Вероника, то ли по причине и того и другого.

Зоя не сомневалась, что Вероника ни за что не поставит ей «четверку», а наградит позорным «тройком» и тем самым лишит красного диплома, сумев отыграться на дочке своего давнего врага.